

Хантер С. Томпсон

СТРАХ И ОТВРАЩЕНИЕ В ЛАС-ВЕГАСЕ

«До тех пор, пока большинство России остается безграмотным, из всех книг для нас важнейшей является «Страх и отвращение в Лас-Вегасе» Хантера Томпсона».

Борис Гребенщиков

АЛЬТЕРНАТИВА

Хантер С. Томпсон
**Страх и отвращение в Лас-Вегасе: Дикое
Путешествие в Сердце Американской Мечты**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138566*

*Страх и отвращение в Лас-Вегасе: Дикое путешествие в Сердце Американской Мечты: АСТ;
Москва; 2003
ISBN 978-5-17-078655-8*

Аннотация

Самая скандальная книга второй половины XX века.
Книга, которую осуждали и запрещали.
Книга, которой исступленно восхищались.
Книга, ставшая своеобразным «водоразделом», отграничивающим подлинный
нонконформизм от «пластикового».
Итак.
Дальнейшее – неопишимо...

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	12
3	15
4	21
5	25
6	29
7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Хантер Томпсон

Страх и отвращение в Лас-Вегасе. Дикое путешествие в Сердце Американской Мечты

*Посвящается Бобу Гейгеру по причинам, которых не стоит здесь
объяснять
и Бобу Дилану
за Mister Tambourine Man*

*Тот, кто становится зверем, избавляется от боли быть
человеком
Доктор Самуэль Джонсон*

Серия «Альтернатива»

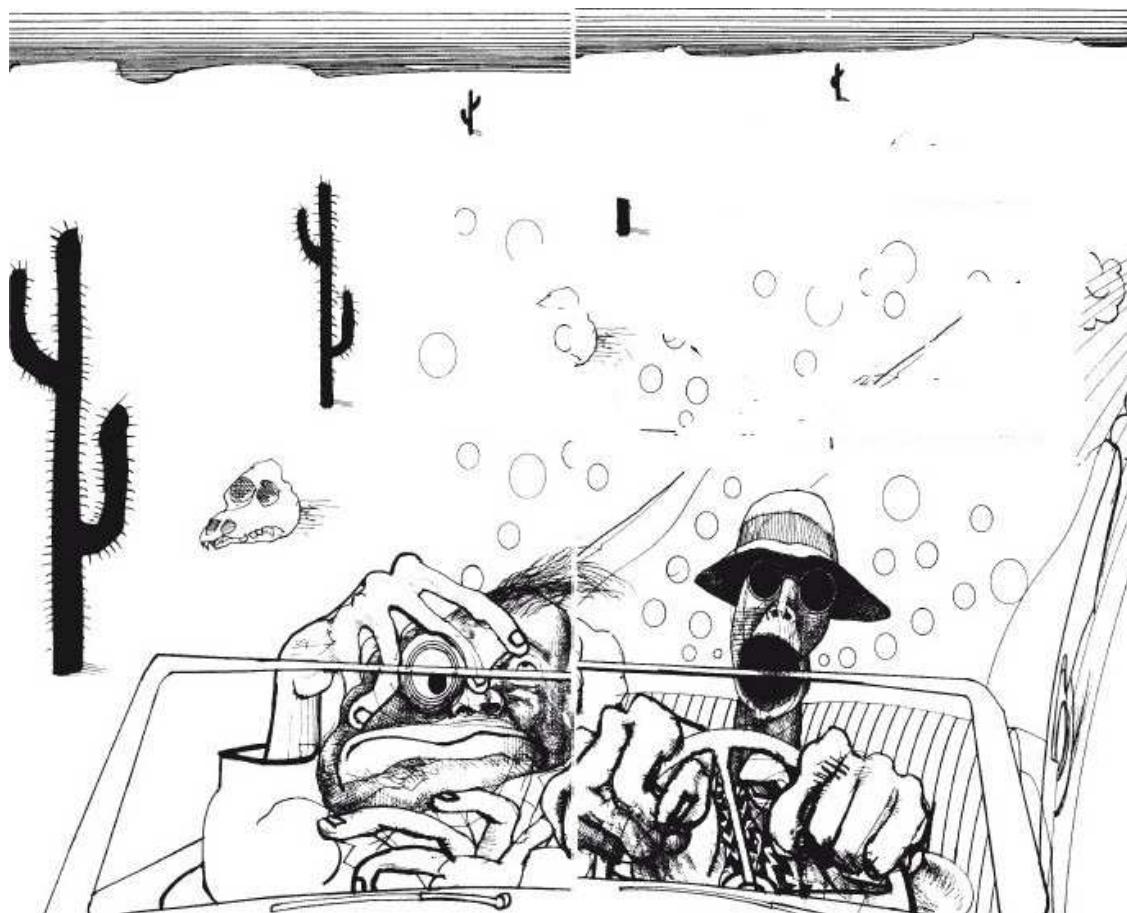
Hunter S. Thompson
FEAR AND LOATHING IN LAS VEGAS

*Перевод с английского Алекса Керви
Компьютерный дизайн А. Барковской*

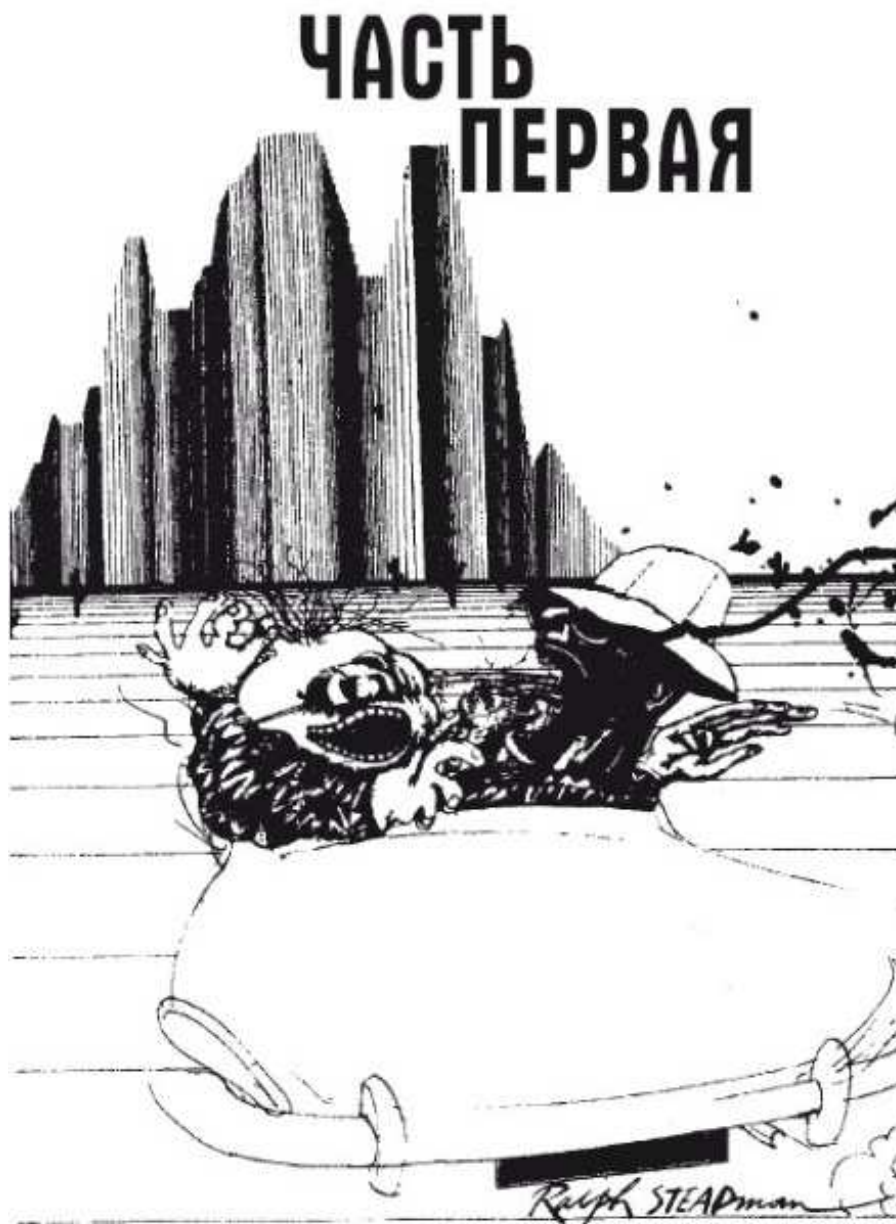
Печатается с разрешения The Estate of Hunter S. Thompson и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

© Hunter S. Thompson, 1971
© Перевод. А. Керви, 2010
© Издание на русском языке AST Publishers, 2013

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Часть первая

1

Мы были где-то на краю пустыни, неподалеку от Барстоу, когда наркотики начали действовать. Помню, проямлил что-то типа: «Чувствую, меня немного колбасит; может ты поведешь?..» И неожиданно со всех сторон раздались жуткие вопли, и небо заполнили

какие-то хряки, похожие на огромных летучих мышей, ринулись вниз, визгливо пища, пикируя на машину, несущуюся на пределе ста миль в час прямо в Лас-Вегас. И чей-то голос возопил: «Господи Иисусе! Да откуда взялись эти чертовы твари?»

Затем все снова стихло. Мой адвокат снял свою рубашку и лил пиво себе на грудь – для лучшего загара. «Какого хрена ты так орешь?» – пробормотал он, уставившись на солнце с закрытыми глазами, спрятанными за круглыми испанскими темными очками. «Не бери в голову, – сказал я. – Твоя очередь вести». И, нажав на тормоза, стопанул Великую Красную Акулу на обочине хайвэя. «Без мазы упоминать об этих летучих мышах, – подумал я. – Бедный ублюдок довольно скоро сам увидит их во плоти».

Уже почти полдень, а нам все еще оставалось проехать более сотни миль. Суровых миль. Я знал – времени в обрез, нас обоих в момент растащит так, что небесам станет жарко. Но пути назад не было, как и времени на отдых. Выпутаемся на ходу. Регистрация прессы на легендарную «Мнит 400» идет полным ходом, и нам нужно успеть к четырем, чтобы потребовать наш звуконепроницаемый номер люкс. Модный спортивный нью-йоркский журнал позаботился о брони, не считая этого большого красного «шевро» с открытым верхом, который мы взяли напрокат с парковки на бульваре Сансет... А я, помимо прочего, – профессиональный журналист: так что у меня было обязательство *представить репортаж с места событий*, живым или мертвым. Спортивные редакторы выдали мне наличными триста баксов, большая часть которых была сразу же потрачена на «опаснейшие» вещества. Багажник нашей машины напоминал передвижную полицейскую нарколабораторию. У нас в распоряжении оказалось две сумки травы, семьдесят пять шариков мескалина, пять полос промокашек лютой кислоты, солонка с дырочками, полная кокаина, и целый межгалактический парад планет всяких стимуляторов, транков, визгунов, хохотунов... а также кварта текилы, кварта рома, ящик «Бадвайзера», пинта сырого эфира и две дюжины амила.

Вся эта хренотень была зацеплена предыдущей ночью, в безумии скоростной гонки по всему округу Лос-Анджелеса – от Топанги до Уоттса – мы хватали все, что попадалось под руку. Не то чтобы нам все это было *нужно* для поездки и отрыва, но как только ты по уши вязнешь в серьезной химической коллекции, сразу появляется желание толкнуть ее ко всем чертям.

Меня беспокоила всего лишь одна вещь – эфир. Ничто в мире не бывает менее беспомощным, безответственным и порочным, чем человек в пропасти эфирного запоя. И я знал, мы очень скоро дорвемся до этого гнилого продукта. Вероятно, на следующей бензоколонке. Мы по достоинству оценили почти все остальное, а сейчас – да, настало время изрядно хлебнуть эфира. А затем сделать следующие сто миль в отвратительном слюнотечении спастического ступора. Единственный способ оставаться бдительным под эфиром: принять на грудь как можно больше амила – не все сразу, а по частям, ровно столько, сколько бы хватило, чтобы сохранять фокусировку на скорости девяносто миль в час через Барстоу.

«Старый, вот так и надо путешествовать», – заметил мой адвокат. Он весь изогнулся, врубая на полную громкость радио, гудя в такт ритм-секции и вымучивая слова плаксивым голосом: «Одна затяжка унесет тебя. Дорогой Иисус... Одна затяжка унесет тебя...»

Одна затяжка? Ах ты, бедный дурак! Подожди, пока не увидишь этих блядских летучих мышей. Я едва мог слышать радио, с шумом привалившись к дверце в обнимку с магнитофоном, игравшим все время «Симпатию к дьяволу». У нас была только одна эта кассета, и мы непрестанно ее проигрывали, раз за разом – сумасшедший контрапункт радио, а также поддерживая наш ритм на дороге. Постоянная скорость хороша для грамотного расхода бензина во время пробега, – а по каким-то причинам тогда это казалось важным. Разумеется. В такой, с позволения сказать, поездке каждый должен внимательно следить за расходом бензина. Избегай резких ускорений и рывков, от которых кровь стынет в жилах.

Мой адвокат давно уже, в отличие от меня, заметил хитчхайкера. «Давай-ка подбросим парнишку», – проговорил он и, до того, как я успел выдвинуть какой-либо аргумент за или против, остановился, а этот несчастный оклахомский мудвин уже бежал со всех ног к машине, улыбаясь во весь рот и крича: «Черт возьми! Я никогда еще не ездил в тачке с открытым верхом!»

– Что, правда? – спросил я. – Ладно, я полагаю, ты уже созрел для этого, а?

Парень нетерпеливо кивнул, и Акула, взревев, помчалась дальше в облаке пыли.

– Мы – твои друзья, – сказал мой адвокат. – Мы не похожи на остальных.

«О Боже, – подумал я, – он едва вписался в поворот».

– Кончай этот базар, – резко оборвал я адвоката. – Или наложу на тебя пиявок».

Он ухмыльнулся, похоже, въехав. К счастью, шум в тачке был настолько ужасен, – свистел ветер, орало радио и магнитофон – что парень, развалившийся на заднем сиденье, не мог ни слова расслышать из того, о чем мы говорили. Или все-таки мог?

«Сколько мы еще *продержимся?*» — дивился я. Сколько еще времени осталось до того момента, когда кто-нибудь из нас в бреду не спустит всех собак на этого мальчика? Что он тогда подумает? Эта самая одинокая пустыня была последним известным домом семьи Мэйсона¹. Проведет ли он эту неумолимую параллель, когда мой адвокат станет вопить о летучих мышах и громадных скатах-манта, обрушивающихся сверху на машину? Если так – хорошо, нам просто придется отрезать ему голову и где-нибудь закопать. И ежу понятно, что мы не можем дать парню спокойно уйти. Он тут же настучит в контору каких-нибудь нацистов, следящих за соблюдением закона в этой пустынной местности, и они настигнут нас, как гончие псы загнанного зверя.

Бог мой! Неужели я это сказал? Или только подумал? Говорил ли я? Слышали они меня? Я опасно бросил взгляд на своего адвоката, но он, казалось, не обращал на меня ни малейшего внимания – наблюдал за дорогой, ведя нашу Великую Красную Акулу на скорости в сто десять или около того. И ни звука с заднего сиденья.

«Может, мне лучше перетереть с этим мальчиком?» – подумал я. Возможно, если я *объясню* ситуацию, он слегка расслабится.

¹ *Чарльз Мэне он* (род. 12.11.34) – «военнопленный Системы» за убийство Тейт – ЛаБианки, которое осуществили члены его «семьи», приговорен к пожизненному заключению. Поэт и музыкант. Одна из самых культовых фигур в американской контркультуре, чей образ оказал колоссальное влияние на современных музыкантов.

Конечно. Я повернулся на сиденье и одарил его широкой приятной улыбкой... восхищаясь формой его черепа.

– Между прочим, – сказал я, – есть одна штука, которую ты, судя по всему, должен понять.

Он уставился на меня, не мигая. Заскрежетал зубами?

– Ты слышишь меня? – заорал я.

Он кивнул.

– Это хорошо. Потому что я хочу, чтобы ты знал: мы на пути в Лас-Вегас в поисках Американской Мечты.

Я улыбнулся.

– Вот почему мы взяли напрокат эту тачку. Это была единственная возможность сделать все путем. Ситуацию просекаешь?

Парень снова кивнул, но по его глазам было заметно, что он явно нервничает.

– Я хочу, чтобы ты понял первопричину, – продолжал я. – Ведь это очень опасное предприятие – можно так вляпаться, что и костей не соберешь... Черт, я все забыл об этом пиве; хочешь банку?

Он мотнул головой.

– Как насчет эфира? – не унимался я.

– Чего?

– Да так, к слову пришлось. Давай конкретно разберемся, с чувством, толком, расстановкой. Понимаешь, еще сутки назад мы сидели в Поло Ландж, в отеле «Бeverли Хиллз» – во внутреннем дворике, конечно, – просто сидели под пальмой, как вдруг облаченный в гостиничную униформу карлик с розовым телефоном подошел ко мне и сказал: «Должно быть, именно этого звонка вы все это время ждали, сэр?»

Я засмеялся, вскрыл банку пива, забрызгав пеной все заднее сиденье, и продолжал рассказывать:

– И ты знаешь? Он был прав! Я *ожидал* этого звонка, но понятия не имел, от кого он. Ты слушаешь?

На лице паренька застыла маска нескрываемого страха и смущения.

А я гнул свое дальше, вскрывая брюшину правде-матке:

– Я хочу, чтобы ты понял. Этот человек за рулем – мой *адвокат!* Он не какой-то мудака, которых можно пачками нарыть на бульваре. Хрена лысого, да ты *взгляни* на него. Он не похож на нас, не правда ли? А все потому, что он иностранец. Я думаю, скорее всего саманец. Но это ничего не значит, а? Имеешь что-нибудь против?

– Черт, да нет же! – выпалил он.

– А я так не думаю, – заявил я. – Потому что, несмотря на его происхождение, этот человек чрезвычайно ценен для меня.

Посмотрел на моего адвоката, но его разум унесло куда-то к ебням.

Я сильно и громко хлопнул кулаком по спинке водительского сиденья. «*Это важно, черт возьми! Это правдивая история!*» Машину противно качнуло в сторону.

– Убери руки с моей шеи, ебанный в рот! – взвизгнул адвокат, выворачивая руль. Парень, сидящий сзади, кажется, был готов выпрыгнуть из машины прямо на ходу и попытаться сделать ноги.

Наши вибрации становились все гнуснее – но почему? Я был озадачен, расстроен. Что же, в этой тачке нет и намека на человеческое общение? Или же мы – выродки, опустившиеся до уровня *бессловесных хищников?*

Потому что моя история была правдивой. Я был уверен в этом. И крайне необходимой, чувствовал я, для осмысления нашего путешествия, чтобы расставить все точки над «и». Мы действительно сидели в Поло Ландж – много часов – пили сингапурский слинг² с мескалем в придачу, заливая все пивом. И когда раздался звонок, я был готов...

Карлик, насколько я помню, крадучись, подошел к нашему столику и протянул мне розовый телефон. Я не произнес ни слова, только слушал. Затем повесил трубку и повернулся к моему адвокату:

«Звонили из штаб-квартиры, – сказал я. – Они хотят, чтобы я немедленно отправился в Лас-Вегас и встретился с португальским фотографом по имени Ласерда. Он введет в курс дела. Все, что я должен сделать, – зарегистрироваться в отеле и там он меня вычислит».

Адвокат помолчал какую-то секунду, потом внезапно оживился в кресле.

² Напиток из рома, коньяка и т. п. с лимонным соком, водой и сахаром. – Прим. перев.

«Господи, *мать твою!* – воскликнул он. – Я полагаю, что понял *схему*. Пиздец подкрался незаметно!» – Он заправил нижнюю рубашку цвета хаки в свои белые трикотажные клеша и заказал еще выпить.

«Похоже, до того, как все это закрутится, тебе необходимо основательно проконсультироваться у юриста, – заметил он. – И мой первый совет: тебе надо взять напрокат быструю тачку без верха и убраться из Лос-Анджелеса ко всем чертям в ближайшие сорок восемь часов. – Он печально покачал головой. – Короче, мой уик-энд накрылся, потому что я, естественно, отправлюсь с тобой, и нам также имеет смысл вооружиться».

«А почему бы и нет? – сказал я. – Если овчинка и стоит выделки, то нужно делать это грамотно. Нам потребуется достойное предприятия оборудование и достаточно денег в карманах – если только брать в расчет наркоту и сверхчувствительный кассетник для постоянной дорожной музыки».

«Что это за репортаж?» – спросил он.

«“Мнит 400” – отозвался я. – Старт богатейшей мотоциклетной гонки за всю историю профессионального спорта. Участвуют также автомобили для движения по песку. Фантастический спектакль в честь какого-то *вахлака толтосума* Дэла Уэбба, владельца роскошного отеля «Мнит» в центре Лас-Вегаса... по крайней мере так гласит пресс-релиз; мой человек в Нью-Йорке только что прочитал мне его».

«Ну, – протянул он, – как твой адвокат я советую тебе купить мотоцикл. Каким образом ты еще сделаешь репортаж из самого что ни на есть пекла?»

«Не выйдет. Где мы сможем раздобыть “винсент блэк шэдоу”?».

«Что это?»

«Роскошный байк, – просветил я его. – У новой модели двигатель – две тысячи кубических дюймов, развивает двести лошадиных сил за четыре тысячи оборотов в минуту, силовая магниевая рама, два сиденья из пенорезины и общий точный вес – двести фунтов».

«Для такой тусовки звучит подходяще».

«А как же. Эта скотина не слишком хороша на поворотах, но по прямой охуеваешь в атаке. На взлете обгонит “F-III”».

«На взлете? – переспросил он. – А мы справимся с управлением такой образины?»

«Стопудово, – убежденно сказал я. – Сейчас свяжусь с Нью-Йорком насчет денег».

2

Развод свиноматки в Беверли Хиллз на 300\$

В нью-йоркском офисе не были так хорошо знакомы с «винсент блок шэдоу», как этого хотелось: они отослали меня в лос-анджелесское бюро, находившееся прямо в Беверли Хиллз, за несколько длинных кварталов от Поло Ландж, но, когда я туда добрался, дама в бухгалтерии отказалась выдать мне наличкой больше 300 долларов. «Понятия не имею, кто вы такой», – заявила она. К тому времени я уже всюю обливался потом. Моя кровь слишком густа для Калифорнии: я никогда не был в состоянии адекватно объясняться в этом климате, не промокнув от пота... с дикими, налитыми кровью глазами и трясущимися руками.

Так что я взял триста баксов и отвалил. Мой адвокат ждал в баре за углом.

– Это не сделает погоды, – сказал он, посмотрев на деньги, – пока у нас не появится неограниченный кредит.

Я заверил его, что появится.

– Вы, самоанцы, все одинаковы – констатировал я. – У вас нет веры в обязательную порядочность культуры белого человека. Господи, да еще час назад мы сидели в той вонючей клоаке, выжатые как лимон, без сил и планов на уик-энд, когда последовал звонок от совершенно незнакомого человека из Нью-Йорка, сказавшего, что мне надо отправляться в Лас-Вегас, – а расходы охуительны, – и потом он посылает меня в какой-то офис в Беверли Хиллз, где другой абсолютно незнакомый мне человек дает мне налом триста баксов безо всякой на то причины... Говорю тебе, друг мой, это Американская Мечта в действии! Мы будем последними дураками, если не оседлаем эту странную торпеду, пущенную в неизвестную нам цель, и не промчимся на ней до конца.

– Разумеется, – отозвался он. – Мы *должны* сделать это.

– Точно. Но сначала нам нужна машина. А после кокаин. Затем кассетник для особой музыки и мексиканские рубашки из Акапулько.

Единственно стоящим вариантом подготовки к путешествию, чувствовал я, будет раздеться как павлины, обдолбаться до озверения, прохуярить по пустыне и *сделать репортаж*. Никогда не теряй из виду изначальной ответственности.

Но *каков* из себя этот репортаж? Никто не удосужился сказать. Придется нам самим выкручиваться, как угрям. Свободное предприятие. Американская Мечта. Горацио Элджер³ сошел с ума от наркотиков в Лас-Вегасе. Приступай *немедленно*: чистая гонзо-журналистика.

И тут вступал в силу социопсихический фактор. Время от времени, когда твоя жизнь усложняется и вокруг начинают виться всякие скользкие подхалимы, настоящий, действенный курс лечения – загрузиться под завязку гнусной химией, а потом мчаться, как бешеная скотина, из Голливуда в Лас-Вегас. *Расслабиться*, как это бывало, в чреве иступленного солнца пустыни. Вернуть крышу в прежнее состояние, привинтить ее наглухо болтами реальности, намазать рожу белым кремом для загара и двинуться дальше с музыкой, врубленной на полную громкость, и хотя бы с пинтой эфира.

Достать химию не составило особого труда, а вот приличные колеса и магнитофон в шесть тридцать вечера нарыть в Голливуде не так-то и легко. Моя старая машина была слишком мала и слаба для пробега через пустыню. Мы отправились в Полинезийский бар, где мой адвокат сделал семнадцать звонков, прежде чем выцепил тачку с открытым верхом, удобоваримой мощностью в лошадиных силах и подходящей окраски.

³ Горацио Элджер – писатель, «поставщик массового чтения для американцев» в конце прошлого века.

– Придержи ее, – услышал я, как он говорил в трубку. – Через полчаса мы придем заключать сделку. – Выдержав паузу, адвокат начал орать: – Что? Разумеется, у джентльмена есть основная кредитная карточка. Да вы, блядь, понимаете, с кем говорите?

– Не трать понапрасну порох на этих свиней, – сказал я, когда он с шумом бросил трубку. – Теперь нам нужно вычислить музыкальный магазин с превосходной техникой. Никакой мелочи пузатой. Необходим один из тех новых бельгийских гелиоваттов с направленным звукозаписывающим микрофоном, чтобы фиксировать обрывки разговоров со встречных машин.

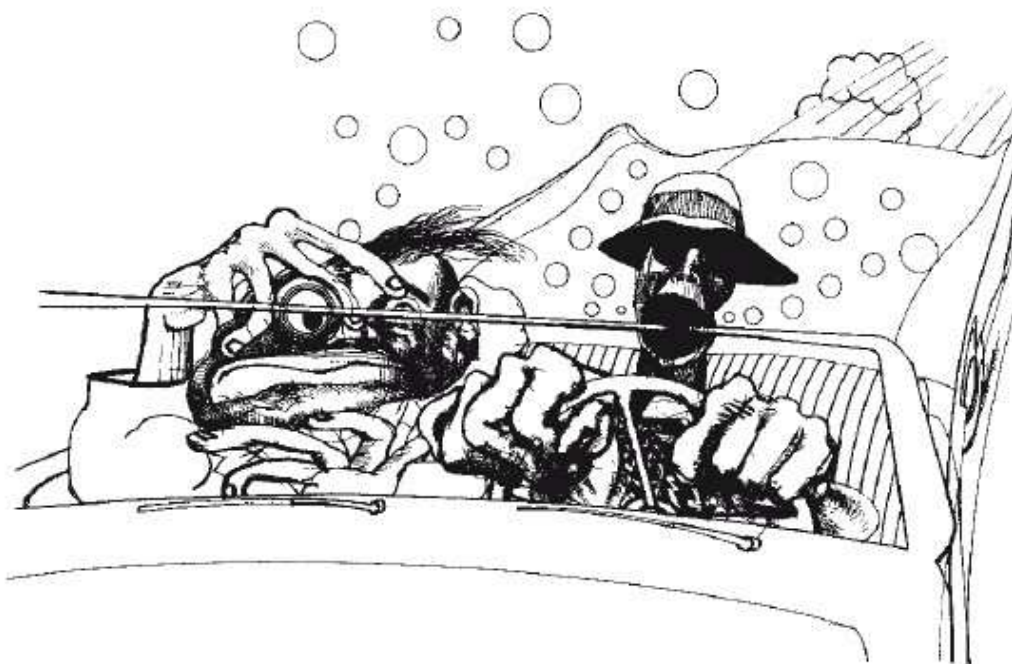
Мы сделали еще несколько звонков, и в результате нашли нашу технику в одном магазине за пять миль от бара. Он уже закрывался, но продавец сказал, что подождет, если мы поторопимся. По дороге туда мы застряли в пробке, когда на бульваре Сансет, прямо напротив нас, «стингрей» задавил насмерть пешехода. К тому времени, как мы добрались до магазина, он был закрыт. Внутри маячили какие-то люди, но они отказывались подойти к двойной стеклянной двери, пока мы не треснули по ней несколько раз, ясно обозначив наши намерения.

В конце концов продавцы, угрожающе размахивая клюшками для гольфа с железными головками, подошли к входу, и нам удалось через крошечную прорезь провентилировать вопрос о продаже товара. Потом они слегка приоткрыли дверь, только чтобы выпихнуть наружу магнитофон, быстро захлопнули ее и снова закрыли.

– А теперь забирайте свое барахло и катитесь отсюда к чертовой матери! – крикнул один из них в щель.

Мой адвокат в ярости погрозил ему кулаком.

– Мы еще вернемся, – завопил он. – На днях я вернусь и брошу в вашу говенную забегаловку бомбу! У меня здесь на чеке есть твое имя. Узнаю, где ты живешь, и спалю на хуй твой дом!.. Похоже, у него будет о чем подумать, – проворчал он себе под нос, и мы с чувством выполненного долга отъехали от этого гостеприимного места. «Этот чувак, как ни крути, – псих-параноик. Их легко вычислить».

В прокате автомобилей неприятности начались с новой силой. Подписав все бумаги, я забрался в машину и чуть было не потерял контроль над управлением, пока, врубив задний ход, пересекал стоянку к бензоколонке. Парень из прокатной конторы был явно шокирован.

– Послушайте, э... Как бы это... Вы, ребята, будете осторожно обращаться с этой машиной, а?

– Конечно.

– Боже, хочется верить! Вы только что задом объезжали полуметровый бетонный торец и даже не сбавили скорость! Сорок пять задним ходом! И чуть не врезались в бензоколонку!

– «Чуть-чуть» не считается. Я всегда проверяю коробку передач таким образом. *Легкий прикол.* Для остроты ощущений.

Тем временем мой адвокат занимался тем, что перетаскивал ром и лед из нашего старого «пинто» на заднее сиденье новой тачки. Служитель нервно взглянул на него.

– Слушайте, – сказал он. – Вы, ребята, что, *пьете*?

– Я – нет, – ответил я.

– Только загрузить горячим чертов багажник, – внезапно рявкнул адвокат. – Мы торопимся, в натуре, мать ее так. Отправляемся в Лас-Вегас на гонки в пустыню.

– Что?!

– Не волнуйтесь, – сказал я. – Мы – ответственные люди.

Я подождал, пока он завернет колпачок бензобака, включил первую скорость, нарочито не спеша тронулся, и мы вклинились в поток рычащих машин.

– Еще один мнительный зануда, – заметил мой адвокат. – Судя по всему, он под завязку закинулся спидом.

– Да, надо было тебе сунуть ему немного красных⁴.

– Красные такому козлу не помогут, – возразил он. – Черт с ним. Голова другим забита. Столько еще нужно сделать, прежде чем выехать на шоссе.

– Я хочу раздобыть рясы священников. Они могут здорово пригодиться в Лас-Вегасе.

Но все магазины одежды были закрыты, а взломать церковь не хватало наглости.

– Чего зря беспокоиться? – сказал адвокат. – Ты должен помнить, что большинство полицейских – добропорядочные злобные католики. Можешь ты себе представить, что с нами сделают эти уроды, если заловят убитых в говно в краденых сутанах? Господи, да они нас кастрируют!

– Ты прав, – согласился я. – И ради Бога не кури эту трубку, пока стоим на красном свете. Всегда держи в голове, что нас уже пасут.

Он кивнул.

– Нужен большой кальян. Положим под сиденье, с глаз долой. Если кто-нибудь нас заметит, подумает, будто мы вдыхаем кислород.

Остаток ночи мы провели, затариваясь всякими веществами и загружая ими машину. Затем съели немного мескалина и отправились плавать в океане. Где-то на рассвете позавтракали в кафе Малибу, осторожно проехали город и стремительно помчались по окутанной смогом автостраде Пасадены, направляясь на Восток.

⁴ Секонал-барбитурат. – *Прим. перев.*

3

Странное лекарство пустыни... Кризис доверия

Меня все еще смутно терзал возглас нашего хитчхайкера, что он, дескать, «никогда не ездил в тачке с открытым верхом». Этот несчастный мудозвон живет в мире тачек с открытым верхом, которые все время со свистом проносятся мимо него по хайвэю, и он ни в одной из них ни разу даже не *прокатился*. От осознания этого факта я стал чувствовать себя как король Фарух. Меня подмывало заставить моего адвоката остановиться в следующем аэропорту и оформить какой-нибудь простейший, общеправовой контракт, согласно которому мы сможем просто *отдать* машину этому горемычному мудаку. Просто скажем: «Вот здесь подпиши это, и машина твоя». Дадим ему ключи, с помощью кредитной карточки быстро впишемся на реактивный самолет, летящий в какое-нибудь место типа Майами, возьмем напрокат другой огромный, цвета налитого красного яблока «шевро» для убойной, сверхскоростной гонки по мосту вплоть до самой последней остановки в Ки Уэст... а затем махнемся тачкой на лодку. Продолжая движение...

Но эта маниакальная задумка быстро отпустила. Совершенно бессмысленно было засаживать в тюрьму этого безобидного пацана – и, кроме того, у меня были *таны* на эту машину. Я предвкушал, с каким шумом мы будем носиться вокруг Лас-Вегаса на этом содомизаторе. Можно еще провести несколько серьезных автогонок по бульвару: притормозить у того большого светофора и начать орать в окружающие тебя машины:

– Ну вы, бля, засранцы поеванные! Гомосеки засратые! Когда дадут зеленый на хуй, я пиздану на полную и сдую вас всех, безмазовых подонков, с дороги!

Вот так. Бросить вызов этим ублюдкам в их же собственном огороде. С визгом тормозов подъехать к переходу, дергаясь под рев мотора, с бутылкой рома в одной руке, а другой жать на гудок, заглушая музыку... подернутые пеленой глаза с безумно расширенными зрачками, скрытыми за небольшими, черными, жлобскими, в золотой оправе очками... вопя тарабарщину... чистопородная *опасная* пьянь, от которой воняет эфиром и конечным психозом. Разогревать движок до ужасающего, пронзительного и дребезжащего скулежа, ожидая, когда дадут зеленый свет...

Как часто предоставляется такая исключительная возможность? Опустить этих козлов до самой сути их хандры и злобы. Старые слоны, прихрамывая, уходят умирать в холмы; старые американцы выбирают на автостраду и укатываются до смерти на своих невыебанных драндулетах.

Но наше путешествие было другим. Оно было классическим подтверждением всего правильного и порядочного, что есть в национальном характере. Это был грубый, физиологический салют фантастическим *возможностям* жизни в этой стране – но только для тех, кто обладал истинным мужеством. А в нас этого добра было хоть отбавляй.

Мой адвокат понимал эту концепцию, несмотря на свою расовую неполноценность, а вот до твердолобого хитчхайкера было не достучаться. Он *сказал*, что понял, но по его глазам было видно, что он не понял ни хера. Он лгал мне.

Неожиданно машину занесло к обочине, и мы плавно въехали в кучу гравия. Меня с силой долбануло о приборную доску. Адвокат тяжело рухнул всем телом на руль.

– Что случилось? – завопил я. – Нам нельзя *здесь* останавливаться. Это страна летучих мышей!

– Мое сердце, – простонал он. – Где лекарство?

– А, – отозвался я. – Лекарство, да, оно прямо тут как тут.

И полез в саквояж за амилом. Парень, казалось, окаменел.